

*Аналитические доклады Института Кавказа
№6, июнь 2015 г.*

Сергей Минасян

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА:
«ГИБРИДНЫЕ» УРОКИ
ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Аналитические доклады Института Кавказа
№6, июнь 2015 г.

Сергей Минасян

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ УКРАИНСКОГО
КОНФЛИКТА:
«ГИБРИДНЫЕ» УРОКИ
ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА

Институт Кавказа
Ереван • 2015

УДК 32/001 (042.3)
ББК 66.0
М 613

Минасян Сергей

**М 613 Военно-политическое измерение украинского кризиса:
«гибридные» уроки для постсоветского пространства,
Аналитические доклады Института Кавказа, №6, июнь 2015 /**
С. Минасян; Научный редактор: Александр Искандарян. – Ер.:
Институт Кавказа, 2015 – 72 с.

Шестой выпуск *Аналитических докладов Института Кавказа* посвящен проблематике военно-политического измерения украинского кризиса, его возможных уроков и последствий для постсоветского пространства. Рассматривается динамика развития военно-политических процессов, освещаются военно-технические и военно-стратегические особенности украинского кризиса, в том числе – в контексте так называемых «гибридных» войн. Доклад представляет интерес как для политологов, международников, специалистов в сфере безопасности и военной политики, так и для широкого круга читателей.

УДК 32.001 (042.3)
ББК 66.0

ISBN 978-9939-1-0191-0

© Институт Кавказа, 2015
© Caucasus Institute, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 Введение
- 9 Концептуальные особенности украинского конфликта: война, «гибридная» во всем?
- 27 Военно-техническая составляющая: комплексная «гибридность»
- 40 Военно-стратегические последствия: возврат к политике сдерживания
- 53 Уроки и итоги украинского кризиса для постсоветского пространства
- 65 Заключение
- 68 Об авторе
- 69 Об Институте Кавказа

ВВЕДЕНИЕ

Украинский кризис, по всей вероятности, явился самым масштабным военно-политическим событием на европейском континенте после окончания Холодной войны, распада Восточного блока и исчезновения СССР. Важной особенностью его стала «гибридность», причем не только в его чисто военной составляющей, в соответствии с проецированием на него модной ныне концепции «гибридных войн». В историческом плане вполне можно найти сходства украинского кризиса с постсоветскими этнополитическими конфликтами 1990-х гг., а своими стратегическими и глобальными последствиями он дал повод многим исследователям и политикам утверждать о начале чуть ли новой Холодной войны, со всеми явными и неявными военно-политическими аналогиями¹.

1 Очевидно, что любые сравнения нынешних взаимоотношений России и Запада с периодом Холодной войны поверхностны, даже при совпадении некоторых концептуальных и военно-политических признаков и особенностей. Холодная война предусматривала совершенно иной идеологический, политический, экономический и военно-стратегический контекст и глобальные параметры противоборства. Взаимные ссылки на возврат к Холодной войне впервые появились не в ходе украинского кризиса, после войны с Грузией или даже мюнхенской речи Владимира Путина, а еще в начале 2000-х гг. Академический дискурс относительно применимости выражения «Новая Холодная война» к нынешнему этапу противостояния России и Запада лишь разворачивается. Однако это выражение уже широко используется в идеологическом и политическом лексиконе, что объясняется удобной символикой понятных исторических аналогий. См. подробнее: Charap, Samuel, Shapiro, Jeremy, “Consequences of a New Cold War”, *Survival*, Vol.57, No.2, April-May, 2015; Monaghan, Andrew, “A ‘New Cold War’ Abusing History, Misunderstanding Russia”, *Chatham House Research Paper*, May, 2015.

Наряду с этим, украинский кризис, особенно его начальная вооруженная фаза, в своем внутреннем измерении весьма напоминает войны позднего европейского феодализма с их частными армиями из разномастных ландскнехтов, наемников и отставных военных самой различной этнической, идеологической и социальной принадлежности.

Профессиональным военным, историкам, конфликтологам, специалистам по международным отношениям еще предстоит детально проанализировать обстоятельства украинского кризиса. Однако уже сейчас, в середине 2015 г., при всей незавершенности этого кризиса, уже можно выявить его важнейшие военно-политические и военно-технические особенности и оценить его влияние на аналогичные вооруженные конфликты, особенно на постсоветском пространстве.

При этом работа не преследует цели показать всю динамику и хронологическое развитие украинского кризиса, начиная с февраля 2014 г. Тем более что, по всей видимости, его военная и уж тем более – политическая фазы еще весьма далеки от завершения².

2 Нами уже предпринимались попытки исследовать некоторые военно-политические аспекты начальной фазы украинского кризиса и его возможное влияние на постсоветское пространство. См. подробнее: Minasyan, Sergey, “The Last Post-Soviet War: The Military-Political Dimension of the Ukrainian Conflict”, *Russia in Global Affairs*, No4, October – December 2014; Minasyan, Sergey, “Armenia in the Context of Ukrainian Crisis: A New Finlandization?”, *Caucasus Institute Policy Brief*, January, 2015.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА: ВОЙНА, «ГИБРИДНАЯ» ВО ВСЕМ?

«Вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны»³. Это выдержка из научного доклада, сделанного начальником Генерального штаба ВС России генералом армии Валерием Герасимовым на собрании Академии военных наук в феврале 2013 г. Фактически еще за год до операции в Крыму и последующих событий главный российский военачальник почти пророчески представил то, что случилось на Украине.

Генерал Герасимов отметил особенности многих будущих вооруженных конфликтов, напрямую перекликающиеся с событиями в 2014 г. в Крыму и на юго-востоке Украины. «Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного реа-

3 Герасимов В., «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий», *Военно-промышленный курьер*, № 8 (476), 27 февраля – 5 марта 2013.

гирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте»⁴. Чем не сюжет из новейшей истории постсоветского пространства или нынешних этнорелигиозных военно-политических процессов на Ближнем Востоке (например, появление ИГИЛ или гражданские войны в Сирии и Ливии)?

Вплоть до начала операции в Крыму, доклад начальника российского Генштаба привлек внимание лишь немногих военных экспертов. Впоследствии он получил большую известность, стал широко цитироваться, особенно в западной печати, получив название ни больше ни меньше «Доктрины Герасимова о ведении неопределенных боевых действий» (*Gerasimov Doctrine of Ambiguous Warfare*) или «Стратегии неопределенности» (*Strategy of Ambiguity*)⁵. Как бы то ни было, именно этот публично озвученный еще в 2013 г. доклад стал удобным аргументом, позволившим многим экспертам и комментаторам причислить украинский кризис к так называемым «гибридным войнам», сочетающим политические, экономические, информационно-пропагандистские (формально невоенные) меры с дозированными и/или скрытыми действиями военного характера⁶. Воен-

4 Герасимов В., «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий».

5 *Project 1704: A U.S. Army War College Analysis of Russian Strategy in Eastern Europe, an Appropriate U.S. Response, and the Implications for U.S. Landpower*. Ed. by Douglas Mastriano, Derek O'Malley, The U.S. War College, 26 March, 2015, p.63-70.

6 Как достаточно точно подметил известный российский эксперт, «тезис о «гибридной войне» против Украины пришелся настолько по нраву значительной части западных СМИ и политиков, что превратился в некий устойчивый мем». См. подробнее: Пухов, Руслан, «Миф о «гибридной войне»», *Независимое военное обозрение*, 29.05.2015.

ная составляющая «гибридных войн» преимущественно реализуется силами специального назначения и элитными подразделениями или же, наоборот, иррегулярными «квазигосударственными» или частными вооруженными формированиями.

Однако надо подчеркнуть, что концепция «гибридной» (или же «нелинейной» или «неконвенциональной»⁷) войны – отнюдь не изобретение генерала Герасимова или исключительно российская военная разработка. Скорее – наоборот. Концепция «гибридных войн» в последние годы достаточно активно разрабатывалась в первую очередь именно на Западе⁸. В том числе, на таких исторических

7 Некоторые исследователи склонны причислять «гибридные войны» к некоей разновидности «конфликтов низкой интенсивности», «асимметричных войн» и/или противоповстанческих действий (Counterinsurgency – COIN). В реальности феномен «гибридных войн» несколько шире и не ограничивается только иррегулярными/повстанческими способами ведения боевых действий, а лишь включает их как один из составных элементов. См. подробнее: Johnson, David T., “Military Capabilities for Hybrid War: Insights from the Israeli Defense Forces in Libanon and Gaza”, *RAND Arryo Center Occasional Paper*, Santa Monica, 2010; Gaub, Florence, “Hizbullah’s Hybrid Posture: Three Armies in One”, *ISSEU Alert*, Issue 7, February, 2015.

8 Военные историки с основанием утверждают, что феномен «гибридных войн» распространяется на многие войны в древности. По мнению редакторов сборника, посвященного «гибридным войнам», присущие им элементы, будучи не только европейским феноменом, проявлялись еще начиная с Пелопонесской войны, в войнах Античности и Средневековья, войне США за независимость, европейских войнах Нового и Новейшего времени, колониальных войнах в самых различных регионах мира, японо-китайских войнах и др. См. подробнее: *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from Ancient World to the Present*, ed. by Murray, Williamson and Mansoor Peter R., Cambridge University Press, 2012.

примерах, как действия английских войск герцога Веллингтона и испанской герильи против наполеоновских войск на Пиренейском полуострове в 1810-1812 гг., операций британского фельдмаршала Эдмунда Алленби против турецких войск в Палестине при поддержке конных отрядов Лоуренса Аравийского из числа бедуинских племен в годы Первой мировой войны и т.д.⁹ Одним из наглядных примеров, активно использовавшимся западными теоретиками и разработчиками «гибридной войны», стала операция Израиля против ливанской «Хезболлы» летом 2006 г.¹⁰ Другое дело, что именно России удалось апробировать «гибридную войну» с таким успехом, как это произошло в феврале-марте 2014 г. в Крыму, и в таких масштабах, как на

9 Например, поддержка курдских иррегулярных отрядов против режима Саддама Хусейна Израилем и Ираном в 1960-70-х гг., их же использование США в 1991 г. и 2003 г., или совместные действия британских регулярных войск вместе с иррегулярными арабскими отрядами Лоуренса Аравийского против турок в Палестине на завершающем этапе Первой мировой войны – также полностью укладываются в определение «гибридных войн».

10 Как отмечал один из основоположников этой концепции американский военный исследователь Франк Хоффман, «гибридные войны» и исходящие от них угрозы могут совмещать самый широкий спектр различных методов военных действий. Они могут включать обычные (конвенциональные) боевые действия, действия иррегулярных формирований и/или иррегулярную тактику (в том числе – используемую регулярными войсками), неизбежное насилие и террористические акты, использование криминальных методов. При этом «гибридные войны могут реализовываться как государствами, так и совокупностью негосударственных акторов (при поддержке государств или без таковой)». См. подробнее: Hoffman, Frank G., “Hybrid Warfare and Challenge”, *JFQ, Issue 52, 1st Quarter*, 2009, p.36-38.

юго-востоке Украины, где война фактически все еще продолжается с апреля 2014 г.¹¹

Впрочем, надо также учесть, что сама концепция «гибридных войн» все еще не является широко принятой военными специалистами и теоретиками, подчеркивающими некоторую ее искусственность. Присущая «гибридным войнам» совокупность боевых действий регулярных и иррегулярных войск, в том числе частных военных кампаний (ЧВК), партизанской и противоповстанческой войны, террористических актов (включая поддержку государственных акторов), и вместе с тем широкое использование информационно-пропагандистской войны и мер по подрыву экономики и общественно-политического строя противника – все эти элементы борьбы и противостояния присущи практически всем войнам и вооруженным конфликтам¹². Очевидно, что перечисленные выше элементы, приписываемые «гибридным войнам», не являются чем-то новым для военной истории ни в глубокой древности, ни в новейший период.

В свою очередь теоретики «гибридных войн» признают, что на стратегическом уровне многие войны действи-

11 Ряд экспертов отмечают существенную разницу между методами комбинированной операции российских войск в Крыму в 2014 г. (контроль над эскалацией, нелинейность и асимметричность, совокупность информационных операций и политического давления) и действиями России в ходе Августовской войны 2008 г. против Грузии (полномасштабные открытые боевые действия в комбинации с политическим и экономическим давлением). См.: Bruusgaard, Kristin Ven, “Crimea and Russia’s Strategic Overhaul”, *Parameters*, Vol.44 (2), Autumn, 2014, p.85-86.

12 См. подробнее: Wilkie, Robert, “Hybrid Warfare: Something Old, Not Something New”, *Air and Space Power Journal*, Winter, 2009.

тельно совмещают регулярные и иррегулярные компоненты, однако применяют их на различных военных театрах и в различных структурах, тогда как в «гибридных войнах» происходит их сращивание в рамках одних и тех же войск и подразделений на том же боевом пространстве. В результате, «когда они оперативно интегрированы и тактически слиты, иррегулярный компонент этих сил становится оперативно решающим», а не просто затягивающим продолжительность конфликта или увеличивающим потери и издержки противника¹³.

Возвращаясь к реализации и политической значимости крымской операции 2014 г., надо предположить, что вряд ли российский Генштаб реально готовил взятие Крыма, а тем более последующие события на юго-востоке Украины еще в феврале 2013 г.¹⁴ Даже если в недрах его Главного оперативного управления конвертик с надписью «Крым» лежал по соседству с планом реагирования на возобновление боевых действий в Карабахе или на гипотетический кризис в Арктике. Такова специфика работы военных профессионалов. Если они хорошо знают свое дело, то пытаются при-

13 Hoffman, Frank G., *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, VA, December, 2007, p.8

14 Аналогично, вряд ли стоит предполагать, что план присоединения Крыма был готов заранее и на уровне политического руководства России, а не стал результатом рискованной, а может даже – вынужденной импровизации Владимира Путина и его ближайшего круга после победы Евромайдана и бегства Януковича в феврале 2014 г. См. например: Галимова, Наталья, «Мы идем в Россию. Как – не знаю»: Как Россия присоединяла Крым, Газета.ru, 11.03.2015 (http://www.gazeta.ru/politics/2015/03/11_a_6503589.shtml).

способиться к новым видам и формам войн и вооруженных конфликтов на самых различных театрах военных действий. Однако обычно генералы готовятся к прошедшей войне. Но это в лучшем случае – в худшем лишь к парадам и бюджетным баталиям.

К примеру, готовясь почти четверть века украинские генералы хотя бы к прошедшим войнам (чему их учили еще в советских военных училищах и академиях), и не распродавай они военное наследство от бывшего СССР в таких масштабах, они все равно не нашли бы ответа на «гибридные» или асимметричные операции в Крыму или осаде Славянска весной 2014 г. Но к широкомасштабной «антитеррористической операции» (АТО) или гражданской войне, в зависимости от политических пристрастий, против пророссийских ополченцев ЛНР/ДНР украинская армия была бы готова намного лучше¹⁵.

Ведь примерно с конца июня 2014 г., возобновившись после инаугурации Порошенко, АТО по своему характеру фактически приобрела характер классических боевых действий, т.е. того, чему хотя бы в теории учили нынешних украинских генералов или полковников в советских или уже постсовет-

15 По признанию военного руководства Украины, по состоянию на середину марта 2014 г. были боеспособны только около 6 тыс. военнослужащих сухопутных войск (из списочных 41 тыс. человек). Только 15% из более 620 боевых самолетов и вертолетов ВВС Украины были в летном состоянии, и лишь несколько боевых кораблей в составе ВМС находились на плаву. Подробнее о состоянии украинской армии в постсоветский период см.: Lavrov, Anton, Nikolsky, Alexey, "Neglect and Rot: Degradation of Ukraine's Military in the Interim Period", *Brothers Armed: Military Aspects of the Crisis in Ukraine*, Ed. by Colby Howard and Ruslan Pukhov, East View Press, Minneapolis, USA, 2014, p.69-71.

ских военных училищах. Слабая подготовка и непрофессионализм украинского генералитета и высшего командного состава (разительно отличавшаяся от упорных и самоотверженных действий украинских солдат и командиров тактического звена) явственно проявились в ходе августовских боев 2014 г. к югу от Донецка («Южный», а затем - Иловайский котлы), но особенно – во время катастрофы под Дебальцево в феврале 2015 г.¹⁶

Украинский кризис как исключительно «гибридную войну», наверное, корректно рассматривать применительно лишь к первому этапу его военной фазы: операции в Крыму и действиям Стрелкова-Гиркина в апреле-июне 2014 г. на Донбассе. Далее масштабы стали другими. В летнюю кампанию 2014 г. «гибридная война» на Донбассе комбинировалась с почти рутинными войсковыми операциями и существенным даже по мировым меркам использованием бронетехники и артиллерии, хотя и с относительно небольшим вовлечением авиации. Впрочем, надо также признать, что именно эта одновременная комбинация классической конвенциональной войны и иррегулярных способов ведения боевых действий на одном и том же операционном уровне и в рамках единого театра военных действий и является одной из особенностей «гибридной войны», как ее характеризуют современные западные военные теоретики. Ведь «гибридная война» пред-

16 Как отмечают западные аналитики, основываясь на мнении украинских военных специалистов и экспертов в сфере безопасности, «75% военных проблем у Украины возникало из-за действий военного руководства страны». См. подробнее: “The Ukraine Crisis: Risks of Renewed Military Conflict after Minsk II”, *International Crisis Group Europe Briefing No73*, Kyiv – Brussels, 1 April, 2015, p.8-10.

ставляет собой не замену «старомодных способов военных действий» и конвенциональной войны новыми методами, а их гибридное совмещение¹⁷.

Одна из важнейших особенностей украинского конфликта – его беспрецедентно быстрая эскалация. Буквально за несколько недель, начиная с последних дней февраля 2014 г., операция специального назначения российских войск в Крыму переросла, через акции гражданского неповиновения на юго-востоке Украине, в локальную полурегулярную операцию на северо-западе Донбасса (осада Славянска и окрестностей). Затем вооруженный конфликт вылился в масштабные бои между регулярной украинской армией и полупартизанскими отрядами ДНР/ЛНР (действовавшими при поддержке российской стороны), принявшие характер одновременно и «гибридной войны» и *proxu* боевых действий. Наконец, уже в середине августа 2014 г. произошло практически нескрываемое вовлечение регулярных российских войск, которые силами нескольких мотострелковых и воздушно-десантных батальонных тактических групп (БТГ) окружили южную группировку украинских войск в Донбассе с катастрофическими для ВСУ последствиями («Иловайский котел»). А это уже что-то большее, чем «гибридная война».

По мнению Лоуренса Фридмана – одного из виднейших британских специалистов по военно-стратегическим вопросам – данный этап развития украинского конфликта уже

17 Hoffman, Frank G., *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, VA, December, 2007, p.43.

может быть охарактеризован как «ограниченная война». К концу лета 2014 г. конфликт трансформировался в «межгосударственную войну с высокими ставками, причем с одной стороны в нее была вовлечена ядерная держава». Однако при этом стороны не применяли друг против друга весь свой военный потенциал, а дипломатические отношения между ними сохранялись в полном объеме¹⁸.

Во многом украинский кризис повторял специфические и концептуальные особенности развития предыдущих постсоветских конфликтов 1990-х и 2000-х гг. Однако, учитывая масштабное военное и военно-техническое вовлечение российской армии, он стал событием глобального значения и фактически поводом для начала новой (или «квази») Холодной войны. С другой стороны, кадры с мест сражений на полях Луганска или городских боев в Донбассе создают ощущение машины времени, напоминая о позднесоветских и раннепостсоветских политических событиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. Спустя четверть века на Украине по обе стороны линии фронта вновь появляется знакомый по большинству постсоветских этнополитических конфликтов образ боевика-добровольца, зачастую сочетавшего высокую степень идеологической и националистической мотивации с не вполне чистой личной биографией и нескрываемыми бизнес-интересами. Феномен днепропетровского губернатора Игоря Коломойского, которому приписывают укомплектование и содержание нескольких украинских добровольческих батальонов, или российского олигарха Константина Малофеева, фактически оплатившего апрельский

18 Freedman, Lawrence, “Ukraine and the Art of Limited War”, *Survival*, vol. 56, No6, December, 2014 – January, 2015, p.10.

рейд Стрелкова-Гиркина на Славянск, являются лишь наиболее яркими примерами.

Более того, украинский кризис чем-то напоминает войны позднеевропейского феодализма с их частными армиями из разномастных ландскнехтов, наемников и отставных военных самой различной этнической, идеологической и социальной принадлежности. Вообще, тематика участия в украинском конфликте частных армий – как западных, так и российских – используется в информационной войне со всех сторон. Как, впрочем, и особенности рекрутирования бойцов пророссийского ополчения или украинских добровольческих батальонов¹⁹. Другим совпадением, пусть и несколько поверхностным, с позднесредневековыми европейскими сюжетами стало то, что военная логика конфликта порой подменяется соображениями иного, в первую очередь политического, а также репутационного и пропагандистского свойства. Украинский конфликт превращался в войну за дороги, коммуникации, а также символические города и местности (например, высота Саур-Могила), напоминая средневековые кабинетные игры на картах.

19 К примеру, широкий резонанс в СМИ весной 2015 г. получило интервью в российской «Новой газете» с этническим бурятом, военнослужащим дислоцированной в Улан-Удэ 5-й танковой бригады ВС РФ, который в составе сводного батальона добровольцев из числа контрактников российской армии принимал участие в боевых действиях на юго-востоке Украины и был ранен в районе Дебальцевского котла в феврале 2015 г. См. подробнее: ««Мы все знали, на что идем и что может быть»: Интервью с российским танкистом, который вместе со своим батальоном был командирован сражаться за Дебальцево», *Новая газета*, 04.03.2015, <http://www.novayagazeta.ru/society/67490.html>

Таковым, к примеру, было стремление украинских войск в июне-июле 2014 г. взять Донецк и Луганск в огромные клещи вдоль российско-украинской границы, чтобы прервать снабжение ополченцев оружием и припасами из России. Эта была не столько операция украинского Генштаба, возможно, понимавшего военные и ресурсные ограничения армии, препятствующие реализации столь масштабной операции, сколько порождение политического видения нового руководства страны. Его результатом стало двойное окружение украинских войск вдоль границ с Россией и образование так называемого «Южного котла». Тем самым украинцы повторили ошибку грузин в августе 2008 г., когда военная целесообразность обхода Цхинвали и стремительного прорыва на север с целью блокады Рокского туннеля были принесены в жертву политическим соображениям, а более всего желанию Михаила Саакашвили побыстрее водрузить грузинский флаг в столице Южной Осетии.

В условиях отсутствия сплошной линии фронта и четкой идентификации не/лояльности местного населения для конфликтующих сторон было важно уже не столько разгромить противника, сколько поднять знамя в том или ином «ключевом» населенном пункте. Обычно это происходило после долгой и кровопролитной осады, например, Славянска, или штурма Луганска и Иловайска, или же продолжительных попыток пророссийского ополчения овладеть Донецким аэропортом. А затем участники АТО нередко были вынуждены покинуть занятый пункт, чтобы не оказаться в окружении, как это случилось под Иловайском в конце августа 2014 г. Однако украинской армии практически не удалось избежать очередного окружения уже в ходе зимней кампании 2015 г., когда в районе Дебальце-

во была почти окружена и разгромлена 128-я горнострелковая бригада и ряд других подразделений украинской армии²⁰.

Другой заметный пример «позднефеодальной» стилистики украинского кризиса, когда наиболее боеспособными силами выступали зачастую иррегулярные добровольческие формирования романтиков-националистов или частные отряды олигархов или криминальных авторитетов, также не является исключительным феноменом украинского конфликта. Такого рода элементы гибридности еще задолго до украинского кризиса в той или иной степени проявлялись в ходе постсоветских конфликтов 1990-х гг.²¹ На

20 Впрочем, надо признать, что в отличие от фактически уже уничтоженного к началу января 2015 г. аэропорта Донецка, Дебальцево сохраняло определенное военно-стратегическое значение для украинской стороны. Оно являлось ключевым железнодорожным узлом, связывающим Донецк с Луганском, а также давало возможность охвата с юго-востока другого крупного населенного пункта под контролем пророссийских сил – Горловки. См. подробнее: “The Ukraine Crisis: Risks of Renewed Military Conflict after Minsk II”.

21 На постсоветском пространстве наибольшее сходство нынешняя динамика военного строительства украинских вооруженных сил, комбинирующая наличие регулярной армии, Национальной гвардии (фактически – бывших внутренних войск МВД) и добровольческих формирований имеет с процессом формирования регулярных вооруженных сил Армении во время карабахской войны в начале 1990-х гг. Однако в Армении вместо еще не существующей собственной регулярной армии ее роль сыграли преимущественно этнические армяне – бывшие профессиональные офицеры и генералы Советской армии (СА). Они на основе ряда бывших воинских частей СА, дислоцированных на территории республики и переданных армянской стороне в 1992-1993 гг., сформировали ядро армянской регулярной армии, куда также вошли уже существующие боевые формирования из числа сотрудников республиканских МВД/КГБ и добровольческих полурегулярных отрядов «фидайнов».

постсоветском пространстве у Гиркина, Коломойского и Малофеева уже были предшественники. Например, известный грузинский криминальный авторитет Джаба Иоселиани. Со своей военизированной структурой «Мхедриони» – важнейшим актором гражданской войны в Грузии в 1991–1992 гг. и грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг. – он был едва ли не главной политической фигурой Грузии начала 1990-х гг., пока Эдуард Шеварднадзе постепенно не прибрал к рукам все нити управления страной. Аналогичный пример – бывший премьер-министр Азербайджана Сурет Гусейнов. До карабахского конфликта он служил директором фабрики по обработке шерсти, а с началом боевых действий на свои средства сформировал мотострелковый полк и даже стал командиром армейского корпуса на начальном этапе войны в Карабахе.

Впрочем, важное отличие украинского кризиса – то, что первоначально этнополитическая компонента в нем не превалировала, хотя уже весной 2014 г. налицо было идейное и идеологическое противостояние антироссийски настроенных жителей западной и центральной Украины и русскоязычных жителей Донбасса. Евромайдан стал благоприятной почвой для зарождения на Востоке повстанческого движения скорее в политическом и идеологическом смысле, а не в этнокультурном. Основными факторами, по всей видимости, оказались фрагментация государства и силовых структур, насильственная смена правящего режима, страх и фрустрация от потери выходцами с Востока традиционных рычагов в Киеве и во всей Украине, депрессивные социаль-

ные условия²². Одновременно по схожим причинам шло формирование вооруженных добровольческих отрядов и на стороне новой украинской власти (преимущественно из-за паралича прежних силовых структур) и укомплектование ими батальонов Национальной гвардии.

«Гибридной войной» (а также «нелинейной войной» или «асимметричным конфликтом»), смотря какую терминологию предпочитают использовать исследователи – у этих терминов есть как концептуальные сходства, так и различия²³) кризис на Украине явился не только и не столько

22 В украинском обществе и экспертно-аналитических кругах еще только начинаются обсуждения истинных причин и наличия внутренней этноязыковой, культурной, политической, социально-экономической базы для процессов, которые произошли на юго-востоке Украины весной 2014 г. Естественно, что наибольшие споры вызывает то, в какой степени эти процессы были вызваны внешним, российским вовлечением, а в какой – имели объективные корни и причины, связанные с динамикой общественно-политического и социально-экономического развития постсоветской Украины, а также личностного фактора многих ее современных политических лидеров. См. например: Kudelia, Serhiy, “Domestic Sources of the Donbas Insurgency”, *PONARS Eurasia Policy Memo*, No351, September, 2014; Umland Andreas, “In Defense of Conspirology: A Rejoinder to Serhiy Kudelia’s Anti-Political Analyses of the Hybrid War in Ukraine”, <http://www.ponarseurasia.com/article/defense-conspirology-rejoinder-serhiy-kudelias-anti-political-analysis-hybrid-war-eastern>, 30.09.2014; Kudelia, Serhiy, “Reply to Andreas Umland: The Donbas Insurgency Began at Home”, <http://www.ponarseurasia.com/article/reply-andreas-umland-donbas-insurgency-began-home>, 08.10.2014.

23 Как отмечает один из основоположников концепции «гибридных войн», элемент асимметричности априори заложен в гибридные способы ведения боевых действий: «гибридные противники применяют комбинации возможностей для достижения асимметричного превосходства». См. подробнее: Hoffman Frank G., “Hybrid Threats Reconceptualizing the Evolving Character of Modern Conflict”, *INSS NDU Strategic Forum*, No240, April, 2009.

в силу комбинации скрытых форм ведения боевых действий – вовлечения спецназа или элитных подразделений ВС РФ при поддержке добровольцев и иррегулярных подразделений из лояльного местного населения и бывших сотрудников силовых структур, противостоявших украинским добровольческим батальонам и регулярной украинской армии. Динамика конфликта с самого начала демонстрировала как ресурсную, так и статусную асимметрию участников и вовлеченных сторон: Запад и Украина против России, обвиняющие друг друга в нелегитимности новое центральное правительство в Киеве и власти ДНР/ЛНР. Статусно-ресурсная и силовая асимметрия – это вообще одна из особенностей практически всех постсоветских конфликтов, в том числе их военно-политических элементов²⁴.

Ну и наконец, если рассматривать украинский кризис в военно-политических категориях глобального масштаба (равно как в устоявшемся широком общественном восприятии), то это скорее уже не «гибридная», а так называемая *проху* или периферийная война (другое употребляемое название – «война по доверенности») между геополитическими центрами. В этом смысле украинский кризис в лучших традициях Холодной войны является полем глобального

24 Подробнее об асимметричных конфликтах, в том числе применительно к постсоветскому пространству, см.: Степанова Е.А., «Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия», *Военная мысль*, № 5, 2010; Дериглазова Л.А., *Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными*, Томск, 2009; Дериглазова Л., Минасян С., «Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте», *Аналитические доклады Института Кавказа*, Ереван, №3, январь, 2011.

противоборства ядерных сверхдержав – России и США. При этом достаточно явственно проявляется важная особенность, присущая проху-войнам нынешнего поколения: наряду с поддержкой государственных или квазигосударственных сил и движений, в них наблюдается более активное использование частных военных компаний и методов кибервойны²⁵. С учетом фактора взаимного ядерного сдерживания, не позволяющего двум державам столкнуться в прямом военном противоборстве, нынешний конфликт имеет все основания войти в историю как очередная периферийная война, подобно войнам в Корее, Вьетнаме, Афганистане и на Ближнем Востоке во второй половине XX в.

Впрочем, надо также учесть, что в случае с украинским кризисом мотивация России для вовлечения в конфликт существенно больше, чем Соединенных Штатов и стран ЕС. Украина воспринимается Москвой как исключительная сфера жизненных интересов, что напрямую связано с имеющейся у российской политической элиты оценкой возможной потери Украины как угрозы национальной безопасности России. С учетом этого, как минимум на нынешнем этапе, ни у самой Украины, ни у поддерживающих ее ЕС и США нет соответствующих механизмов сдерживания России в случае продолжения эскалации от дальнейшего силового вовлечения в украинский кризис. Тем более маловероятно, что им удастся в обозримом будущем заставить Кремль пойти на серьезные уступки (не только в вопросе Крыма, но даже Донбасса).

25 Mumford, Andrew, “Proxy Warfare and the Future of Conflict”, *RUSI Journal*, April-May, 2013, Vol.158, No2, p.42-44.

Как отмечает украинский эксперт по военно-стратегическим вопросам Полина Синовец, «Россия демонстрирует безальтернативность своих интересов в Украине, тогда как Запад и, прежде всего, США, для которых Украина никогда не входила в сферу жизненных интересов, предельно осторожны и сдержанны в своих попытках воздействия на Россию»²⁶. Тем самым, налицо асимметрия мотиваций вовлеченных в украинский кризис сторон, что дает России существенное преимущество, особенно в так называемом «эскалационном доминировании».

26 Синовец П.А., «Роль России в украинском кризисе 2014 года: анализ и перспективы сдерживания», *Вісник Одеського національного університету. Серія : Соціологія і політичні науки*, 2014, Т.19, Вип.2, с.68.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ: КОМПЛЕКСНАЯ «ГИБРИДНОСТЬ»

По характеру и методам силового противоборства украинский конфликт «гибридный» как концептуально, так и в чисто военной и военно-технической сферах. Достижения военно-технической мысли последних десятилетий – беспилотные летательные аппараты (БПЛА), цифровые системы связи, целеуказания и контроля, современные компактные противотанковые и зенитные ракетные комплексы – соседствовали с громоздкими бронетанковыми и механизированными подразделениями, плотно насыщенными артиллерией самого различного назначения и калибров (как во время противостояния ОВД и НАТО в конце 1980-х гг.).

Столь высокая оснащенность украинской армии бронетехникой и артиллерией вполне объяснима: на момент распада Советского Союза Украина с дислоцированными на ее территории стратегическими вооружениями обладала третьим в мире ядерным (после Соединенных Штатов и России) и четвертым конвенциональным военным потенциалом (после США, России и Китая). В составе трех бывших советских военных округов и частей и соединений центрального подчинения на Украине насчитывалось около 6500 танков, десятки тысяч БМП, БТР, артиллерийских систем, 1100 боевых самолетов²⁷.

27 Подробнее о советском военном наследии в Украине см.: Denisentsev, Sergey, “The Soviet Inheritance of Ukrainian Armed Forces”, *Brothers Armed: Military Aspects of the Crisis in Ukraine*, p.69-71.

Даже почти четверть века спустя, после массовой распродажи Украиной по всему миру своей военной техники, ее количество все еще впечатляло. На начало 2014 г. в войсках было около 700 единиц выпускавшихся на Харьковском танковом заводе и по этой причине выбранных в качестве основного танка украинской армии Т-64 различных моделей и десятков новых «постсоветских» Т-84У «Оплот» (а также законсервированных на базах хранения порядка 2500 Т-64, Т-80, Т-72 и танков старых моделей), свыше 2500 БМП и БТР и свыше 2000 артиллерийских систем (почти столько же хранилось на складах).

Исходя из этого обстоятельства (и последующего военно-технического вовлечения уже России), вполне естественно, что по сравнению со многими постсоветскими конфликтами стороны украинского конфликта были намного лучше оснащены бронетехникой и артиллерией. Но при этом с украинской стороны в боях принимала участие преимущественно военная техника и вооружение (ВВТ) в лучшем случае выпуска начала 1990-х гг., существенную часть которой составляла техника бывших соединений Советской Армии в Восточной Европе, после распада ОВД частично выведенная на Украину.

Например, такого рода базой хранения был Артемовск в Донецкой области, куда в начале 1990-х гг. была передислоцирована развернутая 254-я мотострелковая дивизия т.н. «первого эшелона» из Венгрии, насчитывавшая свыше 220 танков и сотни единиц БМП, БТР и артиллерийских систем (в постсоветский период уже расформированная и превра-

щенная в базу хранения ВВТ)²⁸. Однако в боях на стороне украинской армии принимали также участие и раритетные БРДМ-2, БТР-60ПБ, артиллерийские системы Д-30 и Д-20 и иная техника 1960-х и даже 1950-х гг.

Небольшое исключение составляла военная техника, разработанная, произведенная или модернизированная на предприятиях украинского ВПК уже в постсоветское время (БТР-3 и БТР-4, танки Т-64БМ «Булат» и Т-84У «Оплот», некоторые виды стрелкового вооружения, противотанковых ракетных установок и гранатометов), являвшаяся усовершенствованием советских предшественников. Лишь к концу лета 2014 г. у Вооруженных сил Украины (ВСУ) и отрядов Национальной гвардии наряду с импровизированными броневыми автомобилями собственного производства появились современные БПЛА, системы связи, радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и целеуказания, а также легкое и стрелковое оружие. Позднее у украинской стороны появились даже отдельные образцы военной техники западного производства (например, британские полицейские броневые автомобили *Saxon AT-105* и американские легкобронированные «Хаммеры»). Впрочем, эти эпизодические поставки западных видов летального и нелетального оружия по состоянию на середину 2015 г. еще не означали массовых трансфертов Украине оружия западного производства, что с учетом возможной реакции России требовало принятия специального политического решения, в первую очередь со стороны США.

28 Ленский А.Г., Цыбин М.М., *Советские Сухопутные войска в последний год Союза ССР*. Справочник. СПб, 2001, с.154-155.

В начальный период конфликта ополченцы также были вооружены в основном оружием советского производства из военных гарнизонов украинской армии на юго-востоке или поставленным с российских военных складов. Примечательно, что вплоть до середины лета 2014 г. из России по очевидным причинам поставлялось вооружение и военная техника преимущественно тех образцов, которые имелись у украинской армии. Например, поставлялись давно снятые с вооружения российской армии и находящиеся на складах Т-64 – основные танки украинской армии, при этом вполне возможно, что были поставки также Т-64БВ, захваченных российской армией в Крыму (из состава бывшей украинской 36-й бригады береговой обороны).

Однако по мере эскалации конфликта у ополченцев стали появляться новые образцы современного российского вооружения, например, противотанковые и зенитные ракетные установки, гранатометы, бронетехника, ствольная и самоходная артиллерия, а также реактивные системы залпового огня (РСЗО). С учетом последующего вовлечения регулярных российских армейских подразделений в середине августа 2014 г. впервые в боевых действиях на Украине были использованы модернизированные российские танки Т-72Б3 и даже Т-90С, реактивные системы залпового огня (РСЗО) «Смерч» и «Торнадо-Г», БТР-82А и «Тигр», некоторые другие виды ВВТ.

Защита и мобильность бронетехники советского производства (как и ее модернизированных аналогов), предназначенной для ведения массовых боевых действий в условиях противостояния НАТО и ОВД на центрально-

европейском театре военных действий (ТВД), оказались недостаточно эффективными в условиях применения современных противотанковых боеприпасов. Как отмечают многие исследователи, в том числе – российские, украинский кризис знаменовал собой окончательную техническую «дискредитацию» советских танков поколения Т-72/Т-64/Т-80 (и даже их дальнейших постсоветских модернизаций, например, Т-64БЗ, Т-84У, Т-90С), обладающих низкой живучестью, приводящей к высокими потерями экипажей²⁹. На фоне серьезных потерь танков, украинский кризис продемонстрировал кризис тактики их массированного применения в локальных конфликтах. Танки фактически становились «скорее одиночным либо малогрупповым средством огневой поддержки, причем желательно вне сферы эффективного огня противника»³⁰.

Впрочем, пока не ясно, символизирует ли украинский кризис лишь технический кризис бронетехники советской разработки, изменение тактической роли танков, или же понесенные потери объясняются всего лишь недостаточной концентрацией танков для их успешного массированного применения.

29 На фоне еще более тяжелых потерь легкой бронетехники в украинском кризисе эксперты также утверждают о «почти полной утрате своего боевого значения» слабо защищенными БМП-1/БМП-2. См. подробнее: *Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад Центра анализа стратегий и технологий*, М., 2015, с.29-30.

30 См. подробнее: Скоробогатый, Петр, «От ополчения к армии: различия летней и зимней кампаний на Донбассе», *Эксперт*, <http://expert.ru/expert/2015/05/ot-opolcheniya-k-armii/>, 26.01.2015.

По предварительным оценкам, потери бронетехники с украинской стороны лишь в летне-осенней кампании 2014 г. составили свыше 100 танков и 280 БМП, БТР и других боевых бронированных машин (ББМ), а также до 100 САУ, буксируемых артиллерийских орудий и РСЗО. Примерно две трети составили безвозвратные потери ВВТ³¹. Не менее серьезными были потери бронетехники и артиллерии у ополченцев и поддерживающих их российских войск, хотя существенно меньше, чем у ВСУ (ввиду меньшей насыщенности, как минимум – до осени 2014 г. – артиллерией и бронетехникой).

По предварительным оценкам и расчетам ряда экспертов, к весне 2015 г., т.е. – уже после заключения февральского перемирия на основе «Минских соглашений-2» общие потери сторон (уничтоженные и захваченные противником) по основным видам ВВТ (артиллерия и бронетехника) составили:

- ВСУ – 1055 единиц ВВТ, из которых: 185 танков, 63 САУ, 386 БМП/БМД, 153 БТР, 171 других типов ББМ (БРДМ, МТЛБ, БТР-Д), 68 буксируемых орудий и 29 РСЗО;

31 Согласно информации украинских СМИ, за 2014 г. потери ВСУ составили: 78 танков, 236 БМП и БТР, 15 РСЗО, 34 САУ, 22 122-мм буксируемых гаубиц Д-30 и 20 152-мм буксируемых гаубиц Д-20 и 2А65 «Мста-Б», при этом почти 30% потерь танков, 75% - БМП и БТР, 93% - буксируемых гаубиц, 60% - САУ и 67% РСЗО пришлось на две операции на южном участке фронта: против окруженных украинских сил в «секторе Д» и в районе Иловая в июле-августе 2014 г. См. подробнее: Бутусов, Ю., «Цена «котлов»: потери боевой техники ВСУ в войне с Россией в 2014 году», *Цензор.НЕТ*, http://censor.net.ua/resonance/325795/tsena_kotlov_poteri_boevoyi_tehniki_vsu_v_voyni_s_rossiyi_v_2014_godu, 23.02.2015.

- Пророссийские силы – 127 единиц ВВТ, из которых: 45 танков, 2 САУ, 29 БМП/БМД, 22 БТР, 24 других типов ББМ, 4 орудия и 1 РСЗО³².

На фоне усиливавшейся эскалации и понесенных потерь, серьезную значимость приобретали вопросы логистики и снабжения, особенно ремонт и восстановление военной техники – в первую очередь для украинской стороны. Несмотря на доставшиеся еще с советских времен крупнейшие производственные мощности по ремонту и производству практически всех видов военной техники, состояние ВПК Украины на начало 2014 г. ненамного отличалось от состояния украинской армии. Лишь к моменту заключения осеннего перемирия 2014 г. украинский ВПК оказался в состоянии не только проводить ремонт и восстановление, но и выпускать мелкими партиями новые образцы ВВТ (в частности, на предприятиях ВПК в Харькове, Николаеве, Львове, Киеве и т.д.).

У ополченцев была только одна сложность в снабжении – политическая. Частота и объем поставок посредством так называемого «Военторга» (поставки вооружений, военной техники и боеприпасов из России) полностью зависели от политических подходов Москвы к развитию ситуации на юго-востоке Украины. Однако когда ВВТ на Донбасс поставлялось, то уже в объемах, вполне достаточных для противодействия ВСУ и отрядам Национальной гвардии.

32 Расчеты сделаны преимущественно на основе специального экспертного сайта, где приводятся фотографии, видеоматериалы и статистика уничтоженной, поврежденной или захваченной военной техники сторон украинского конфликта с подробной геолокационной привязкой. См. подробнее: <http://lostarmour.info/analytics/>

По уровню использования авиации украинский кризис превзошел большинство постсоветских конфликтов (в частности абхазский, карабахский, приднестровский). Однако использование боевой авиации ограничивалось лишь первыми двумя-тремя месяцами активной фазы конфликта, вплоть до осени 2014 г. При этом авиация использовалась исключительно украинской стороной (хотя в СМИ иногда появлялась информация об экзотических попытках использования ополченцами легких тренировочных самолетов или «отремонтированных» музейных экспонатов штурмовиков Су-25)³³. После сентябрьского перемирия 2014 г. когда у пророссийских ополченцев уже появилась достаточно действенная система ПВО не только малой, но и средней дальности, использование украинской авиации почти прекратилось, и уже не возобновилось даже во время зимней кампании 2015 г.

Тем самым уровень использования авиации в украинском конфликте существенно уступал операции НАТО в Косово в 1999 г. и действиям России в двух чеченских войнах и августовском конфликте 2008 г. с Грузией. В первую очередь это объяснялось низким уровнем боеготовности и технического состояния украинских ВВС к началу конфликта, а также последующими значительными потерями украинской авиации.

К началу 2014 г. в строевом составе украинских ВВС насчитывалось 170–180 боевых самолетов (примерно столько

33 В силу «гибридности» боевых действий, по состоянию на середину 2015 г. российская армия не использовала на юго-востоке Украины свою боевую авиацию (в отличие от артиллерии и бронетехники), т.к. обосновать ее возможную принадлежность пророссийским силам ДНР/ЛНР было бы еще более нереалистично, чем самого разнообразного вооружения сухопутных войск.

же находилось на складах и на консервации). ВВС Украины включали около 80 истребителей МиГ-29 (при этом 46 МиГ-29 базировались в Крыму, были захвачены российскими войсками в марте и впоследствии возвращены украинской стороне в разукomплектованном состоянии), и только четверть из них оставалась в рабочем состоянии. Из примерно 24 истребителей-перехватчиков Су-27 только несколько машин могли подняться в воздух. Аналогичная ситуация и с насчитывающимися до 36 машин бомбардировщиками Су-24. Штурмовая авиация была в несколько лучшем состоянии, располагая примерно двумя десятками боеспособных самолетов Су-25. Однако именно Су-25, активно применявшиеся против наземных целей, и понесли наибольшие потери: было сбито или потеряно в результате аварий семь или восемь штурмовиков. В ходе боевых действий в 2014 г. ВВС Украины потеряли также как минимум один или два бомбардировщика Су-24, два истребителя МиГ-29, один истребитель Су-27, один разведывательный самолет Ан-30, один военно-транспортный Ан-26, а также сбитый над Луганским аэропортом военно-транспортный самолет Ил-76 с десантниками на борту.

Начиная с боев под Славянском, с конца апреля – начала мая 2014 г. было сбито от пяти до восьми ударных вертолетов Ми-24 различных моделей и примерно такое же число транспортно-десантных Ми-8. Плотная насыщенность ополченцев ПЗРК и малокалиберными зенитно-артиллерийскими системами привела к большим потерям среди армейской авиации Украины. Во второй половине лета 2014 г. украинские Ми-24 уже почти не принимали участия в боевых действиях, подтвердив высокую уязвимость вертолетов

данного семейства в локальных конфликтах. Например, из 12 вертолетов Ми-35М (последняя модификация Ми-24), поставленных с октября 2013 г. Россией в Ирак, уже к октябрю 2014 г. боевиками т.н. Исламского государства (ИГИЛ) с использованием ПЗРК было сбито две машины.

Украинский кризис, как и другие локальные конфликты последних десятилетий, доказывает ограниченную эффективность боевой авиации (даже если она имеет абсолютное превосходство в воздухе) против полурегулярных отрядов, оснащенных переносными зенитно-ракетными комплексами (ПЗРК) и зенитной артиллерией. Одним из наглядных примеров стала операция Израиля в Ливане летом 2006 г. Сильнейшие на всем Ближнем Востоке израильские ВВС, располагающие современными боевыми самолетами с системами высокоточного оружия (ВТО), так и не смогли сломить сопротивление бойцов ливанской «Хезболла», оснащенных ПЗРК³⁴. Если, по примеру ряда локальных войн и повстанческих операций, использование украинской боевой авиации на высоте полета свыше 4 км обеспечивало ее безопасность от огня ПЗРК и зенитной артиллерии, то появление на вооружении пророссийских сил ЗРК среднего радиуса дей-

34 По мнению аналитиков RAND, одним из важнейших результатов как войны Израиля в Ливане в 2006 г., так и более удачной для Армии обороны Израиля операции «Литой свинец» в секторе Газа в декабре 2008 – январе 2009 гг. стало осознание военными экспертами приоритетности сухопутных операций как «необходимого компонента» успеха боевых действий. Как отмечается, «нет больше уверенности в том, что одни только прямые удары, в основном с воздуха, могут привести к успеху». См. подробнее: David E. Johnson. “Military Capabilities for Hybrid War: Insights from the Israel Defense Forces in Lebanon and Gaza”.

ствия сразу же лишало ее этого преимущества и сделало уязвимой. Уже в середине июля 2014 г. на юго-востоке Украины у ополченцев появились уже не только ПЗРК и зенитная артиллерия, но и зенитные комплексы ближней («Стрела-10», «Оса») и даже средней дальности (известные по истории со сбитым малайзийским «Боингом» ЗРК «Бук-М1»).

В отличие от операций авиации США и стран НАТО на Ближнем Востоке и Балканах, в ходе украинского кризиса практически не использовалось ВТО, почти отсутствующее у ВСУ и лишь в небольших количествах имеющееся у российской армии. В предыдущих случаях имело место противостояние высокотехнологичных армий с технически отсталым и политически изолированным противником, и т.н. «дистанционная война» с использованием ВТО достаточно быстро и эффективно достигала своей цели. Однако на юго-востоке Украины сталкивались находящиеся примерно на одинаковом технологичном уровне противники, военные организации которых отличались лишь размерами, степенью боеготовности и боеспособности имеющегося у них вооружения, что не позволяет говорить о «дистанционной» или «бесконтактной» войне.

Даже эффективность использования украинской стороной тактических ракетных комплексов 9К79-1 «Точка-У», с достаточно высокой точностью и дальностью стрельбы до 120 км, оценивается неоднозначно. Опыт применения ракетных комплексов «Точка-У» российской армией в Чечне и против Грузии в августе 2008 г., а также в ходе гражданской войны в Йемене, или же оперативно-тактических систем 9К72 «Эльбрус» (более известных, согласно натовской терминологии, как «Скад», с большей дальностью, но

худшей точностью стрельбы) на Ближнем Востоке показывает, что эти ракетные системы остаются скорее важным военно-политическим средством сдерживания, а не реальным инструментом так называемой «дистанционной» или «бесконтактной» войны нового поколения. По различным оценкам, начиная с лета 2014 г. украинская армия произвела пуски около двух десятков ракет комплекса «Точка-У» по позициям пророссийских ополченцев на Донбассе, однако они не оказали существенного влияния на ход боевых действий.

Зато в украинском конфликте вновь подтвердилась значимость традиционной артиллерии (особенно самоходной) и реактивных систем залпового огня, выступавших в качестве основного средства огневого поражения. В частности, высокую эффективность продемонстрировали впервые примененные всеми сторонами в боевых условиях крупнокалиберные РСЗО «Смерч»³⁵. Наибольшие потери конфликтующие стороны понесли именно от действия ракетной и ствольной артиллерии. Высокую эффективность продемонстрировали именно крупнокалиберные системы залпового

35 Примечательно, что в ноябре 2014 г. в ведущем военно-теоретическом издании МО РФ – журнале «Военная мысль» – появилось первое исследование, анализирующее «современные взгляды на ведение боевых действий реактивных артиллерийских формирований РСЗО «Смерч»». Фактически, лишь после анализа их первого боевого использования в боях на юго-западе Украины летом 2014 г. в российском официальном военном журнале появилось исследование, анализирующее практику применения РСЗО «Смерч» как в оборонительных, так и наступательных (контрнаступательных) операциях. См. подробнее: Полунин В.В., Халин А.Ф., Елистратов Д.В., «Боевые действия формирований РСЗО «Смерч»», *Военная мысль*, №11, 2014.

огня: 300-мм РСЗО «Смерч» и 220-мм РСЗО «Ураган», равно как уже давно ставшие одним из символов локальных конфликтов на постсоветском пространстве 122-мм РСЗО «Град», использовавшиеся всеми сторонами в большом количестве.

Особенно эффективно артиллерия использовалась в ходе огневых налетов на находящиеся на марше колонны боевой техники, полевые лагеря или пункты дислокации противника (например, в ходе огневого налета со стороны российской границы на позиции украинской 79-й отдельной аэромобильной бригады в районе Зеленополя в июле 2014 г.). С военной и политической точек зрения достаточно болезненным для украинской стороны стал огневой налет 10 февраля 2015 г. пророссийских сил по Краматорску, где был дислоцирован полевой штаб АТО и аэродром армейской авиации. Ракетно-артиллерийский удар по Краматорску был нанесен РСЗО «Смерч» с использованием кассетных боеголовок, что привело к десяткам погибших и раненых военнослужащих и мирных жителей, а также повреждению находившихся на взлетной полосе как минимум двух ударных вертолетов Ми-24П ВВС Украины.

Новым словом в постсоветских конфликтах стало активное использование для наведения и корректировки артиллерийского огня в режиме реального времени современных цифровых систем разведки и целеуказания, а также беспилотных летательных аппаратов. Особенно явственно это проявилось уже в ходе зимней кампании 2015 г., в частности – в ходе ожесточенных февральских боев в районе Дебальцевского котла.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ВОЗВРАТ К ПОЛИТИКЕ СДЕРЖИВАНИЯ

Начиная с весны 2014 г. конфликтующие стороны в ходе боевых действий на юго-востоке Украины понесли очень серьезные потери в личном составе. По различным оценкам, военнослужащие регулярной украинской армии, бойцы пророссийского ополчения и российской армии, а также иррегулярных вооруженных формирований всех сторон потеряли десятки тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В результате как минимум для украинской армии серьезной проблемой стало восполнение личного состава. Проблема усугубляется практически полным отсутствием подготовленных резервистов и системы организационно-мобилизационных мероприятий. К примеру, по словам украинского президента Петра Порошенко, лишь в ходе первой волны мобилизации весной 2014 г. число дезертиров составило почти 30% от их общей численности³⁶.

Украинский кризис (как в свое время российско-грузинская война 2008 г.) продемонстрировал, насколько важно в современных локальных войнах, при их относительной скоротечности и эскалации на начальном этапе, правильное соотношение регулярных частей постоянной готовности и мас-

36 Порошенко назвал страшную статистику дезертиров в украинской армии во время первой волны мобилизации, <http://news.meta.ua/cluster:41885195-Poroshenko-nazval-strashnuii-statistiku-dezertirov-v-ukrainskoi-armii-vo-vremia-pervoi-volny-mobilizatsii/?logging=1>, 21.03.2015.

сового призыва резервистов и военнообязанных. Эта задача являлась одной из наиболее сложных для украинского руководства, и ее так и не удалось решить до заключения ни сентябрьского («Минск-1»), ни февральского («Минск-2») перемирия, несмотря на несколько волн мобилизационного призыва. Эта тенденция весьма типична как для постсоветских стран с призывным способом комплектования ВС, так и в целом – для нынешнего этапа развития военного дела. Как отмечал в уже упомянутом докладе начальник российского Генштаба, меняющийся характер современной вооруженной борьбы принуждает стороны в случае начала конфликта опираться именно на «созданные в мирное время группировки сил и средств постоянной готовности»³⁷.

В украинском конфликте прошли практическую проверку боем новые тактические и организационно-структурные способы ведения боевых действий общевойсковыми соединениями, в частности, в формате батальонных тактических групп (БТГ). Практика формирования батальонных тактических групп ведет свое начала еще с периода Вьетнамской войны, как составная часть концепции «модульной» организационно-штатной структуры сухопутных войск и морской пехоты США, позднее заимствованная в советских, а затем и российских военных уставах (широко использовавших формат БТГ или так называемых «усиленных батальонов» в Афганистане и Чечне). Однако примечателен опыт формирования (и в Украине и в России) на основе имею-

37 Герасимов В., «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий».

щихся бригад мирного времени боевых БТГ (и даже – ротных тактических групп) и их последующей ротации в зоне конфликта с восполнением потерь за счет последовательных волн мобилизационного и контрактного призыва³⁸.

Тем самым, вооруженный конфликт в Украине подтвердил тенденцию продолжающейся профессионализации военного дела, а также значимость уровня боевой и физической подготовки личного состава. Усложнение ВВТ требует большей вовлеченности военных специалистов, что не может быть компенсировано контингентом военнослужащих-призывников. С другой стороны, усиление мощи, точности и дальности стрельбы легкого и стрелкового оружия дает возможность даже небольшим подразделениям войск специального назначения (особенно если они хорошо оснащены и мотивированы) решать боевые задачи, которые ранее ставились перед более крупными войсковыми соединениями. Повышается значимость легких и мобильных частей специального назначения, особенно в так называемых конфликтах низкой интенсивности. Естественно, что, как и в любой «гибридной войне», очень важную роль в Крыму и в боях на Донбассе с российской стороны сыграли войска специального назначения, входящие в состав недавно созданного Командования Сил специальных операций (ССО), а также элитные войска постоянной готовности (в частности, ряд частей и подразделений ВДВ и морской пехоты) ВС РФ³⁹.

38 *The Military Balance 2015*, IISS, London: Routledge, 2015, p.160.

39 Об истории создания и формирования ССО РФ см. подробнее: Nikolsky, Alexey, “Little, Green and Polite: The Creation of Russian Special Operations Forces”, *Brothers Armed: Military Aspects of the Crisis in Ukraine*.

При этом в новых условиях получают все большее значение сухопутные войска, более адаптированные как для использования в конфликтах малой интенсивности, локальных и «гибридных» войнах, так и в широкомасштабных «классических войнах» с массовым использованием бронетехники и артиллерии. Украинский кризис вынудил признать это даже американцев, традиционно делающих ставку на высокотехнологичную и эффективную при использовании высокоточного оружия боевую, а в последнее время – уже и беспилотную авиацию. Военная фаза украинского кризиса еще не успела завершиться, а на европейский контингент в ходе совместных натовских учений уже вернулись американские танки «Абрамс», всего лишь в 2013 г. выведенные из Германии в составе последних двух «тяжелых» соединений американской армии, дислоцированных в Европе – 170-й и 172-й пехотных бригад 5-го армейского корпуса США, также расформированного летом 2013 г.

Окончательного решения о будущем формате передислокации американских сухопутных войск (а также их ключевых союзников по НАТО) на территории «новых» членов Альянса в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) пока не принято. Однако небольшие, пока еще «символические» подразделения американской армии уже временно дислоцированы в «новых» членах Альянса. Предполагается, что порядка 600 парашютистов из состава американской 173-й воздушно-десантной бригады (дислоцированной в Виченце, Италия) будут размещены в Польше и странах Балтии «до последующего уведомления», для тренировок и совместных учений с армиями этих стран, с апреля 2015 г. – участвуя в

обучении украинских солдат в западной части Украины, а в мае – также в совместных военных учениях с грузинскими солдата на территории Грузии⁴⁰.

Во многом именно под влиянием украинского кризиса вносятся серьезные изменения также в существующие концептуальные документы, регулирующие процессы развития и реформирования сухопутных войск США. На фоне планируемой общей оптимизации численности и структуры сухопутных войск, к концу 2015 г. с одной стороны, планируется сокращение численности боевых бригад регулярных войск армии США (с 37 до 32), а с другой стороны, предусматривается существенное повышение возможности ведения ими самостоятельных боевых действий без дополнительной подготовки. К примеру, это предусматривает включение в боевой состав легкой и бронетанковой бригад третьего боевого батальона, а также увеличением бригадных частей боевого и тылового обеспечения. Наряду с запланированным в ближайшие годы очередном этапе масштабного перевооружения сухопутных войск на новые виды ВВТ, должна повыситься также степень их межвидового взаимодействия в общей структуре ВС США. Например, военное руководство США планирует обеспечить более высокий уровень интеграции СВ с Корпусом морской пехоты для создания единого наземного компонента – «объединенных наземных сил»⁴¹.

40 Simon, Luis, “Assessing NATO’s Eastern European “Flank””, *Parameters*, Vol.44 (3), Autumn, 2014, p.68-70.

41 Ветлугин Р., «Основные направления строительства сухопутных войск США», *Зарубежное военное обозрение*, №1, 2015, с.52-57.

Из других военно-стратегических уроков следует отметить достижение российскими войсками фактора стратегической внезапности в Крыму. Военные историки еще долго будут спорить, что явилось более важным для успеха крымской операции: развал украинской армии при отсутствии военных реформ в постсоветский период или эффективность последней («сердюковской») военной реформы в России. Однако очевидно, что ключевым элементом успеха стала именно стратегическая внезапность, причем достигнутая не столько за счет слаженности и скрытности действий по переброске мобильных элитных подразделений в Крым. В век спутников и электронной разведки столь масштабную переброску войск специального назначения и ВДВ, иногда за тысячи километров из Сибири в Крым, нельзя было скрыть даже под предлогом крупномасштабных учений.

Внезапность была достигнута на уровне стратегического мышления как вероятного противника (в данном случае – новых властей Украины), так и внешних акторов (в первую очередь – США и ЕС⁴²), которые могли бы хотя бы теоретически помешать осуществлению этой операции. Российское

42 Опыт аналогичных примеров достижения стратегической внезапности в мировой военной и политической истории (нападение японцев на Перл Харбор в 1941 г., «Война Судного дня» 1973 г., вторжение Садама Хусейна в Кувейт в 1991 г. и др.) показывает, что часто именно существенная разница в культурных восприятиях военно-политической реальности приводит к провалам разведывательных оценок и способствует успеху противника, имеющего иной уровень стратегического мышления. См. подробнее: Cimbalá, Stephen L., “Sun Tzu and Salami Tactics? Vladimir Putin and Military Persuasion in Ukraine, 21 February – 18 March 2014”, *Journal of Slavic Military Studies*, Vol.27, Issue 3, p.366-368.

военно-политическое руководство добилось «шокового» эффекта, ибо до самого последнего момента никто не мог поверить, что Москва осуществит в Крыму то, что она осуществила⁴³.

Операция в Крыму и его последующая аннексия стали классическим примером успешной реализации Россией одновременно стратегий сдерживания (*deterrence*) и принуждения (*compellence*)⁴⁴. Сдерживание применялось российской стороной против возможного силового противодействия со стороны Украины (и косвенно – также против США и их союзников по НАТО). На фоне достигнутой стратегической внезапности, возможностей российских сухопутных войск и сил специального назначения в Крыму во время операции было вполне достаточно для сдерживания любого рода украинского военного сопротивления. Одновременно, наличие Черноморского Флота «повысило символическую и стратегическую цену любой попытки Соединенных Штатов или НАТО напрямую вторгнуться в регион». Последующая российская аннексия Крыма добавила

43 Американские военные эксперты отмечают, что с военной точки зрения российские войска (в первую очередь – элитные части сухопутных войск и сил специального назначения) смогли достичь полной внезапности не только на стратегическом, но и на оперативном уровне. См. подробнее: *Project 1704: A U.S. Army War College Analysis of Russian Strategy in Eastern Europe, an Appropriate U.S. Response, and the Implications for U.S. Landpower*, p.52.

44 Подробнее об особенностях военно-стратегических концепции сдерживания и принуждения, в том числе – применительно к локальным конфликтам, см.: Минасян, С., «Теория и практика военного и политико-дипломатического сдерживания применительно к карабахскому конфликту», *Армянская армия*, №1-2, 2014.

в ситуацию также элемент стратегии принуждения: «Крым теперь стал государственной территорией России, и любая попытка внешних сил изменить этот статус была бы равносильна атаке на саму Россию»⁴⁵.

Глобальные масштабы украинского кризиса высветили актуальность информационного, психологического и пропагандистского измерения вооруженной борьбы. Значимость информационно-пропагандистских войн, в том числе киберопераций как составного элемента вооруженного противостояния, уже давно не подвергается сомнению. Украинский кризис не стал качественно новым этапом развития информационно-пропагандистских войн и по своей значимости не был столь важен, как война в Персидском заливе 1991 г., названная «войной CNN». С другой стороны, информационное сопровождение не имело столь негативного психологического эффекта, как когда-то кадры погибших американских спецназовцев на улицах Могадишо, приведшие к прекращению операции США в Сомали в 1993 году. В целом украинский кризис фиксирует тенденцию увеличения роли информационно-пропагандистских войн по мере развития и усложнения коммуникационных и цифровых технологий.

Иногда, впрочем, в ходе украинского кризиса создавалось впечатление, что информационная война становится самоцелью, попыткой создать пропагандистский эффект в отрыве от реальных военных и военно-политических целей.

45 Cimbala, Stephen L., "Sun Tzu and Salami Tactics? Vladimir Putin and Military Persuasion in Ukraine, 21 February – 18 March 2014", p.362-363

Это приводило к тяжелым последствиям, например, уже отмеченные попытки перекрытия украинскими войсками границы с Россией и занятия ключевых городов, или же осада ополченцами Донецкого и Луганского аэропортов или же Дебальцевского котла. С другой стороны, удачно проведенные операции всегда сопровождались своеобразным информационным мультипликатором, как это происходило с действиями Стрелкова-Гиркина в Славянске.

Украинский кризис ознаменовал возврат интереса к «старой доброй» политике сдерживания в контексте противостояния России и США, отчасти уже апробированного на оперативном уровне с самого его начала, еще в ходе российской операции в Крыму. Причем речь идет о возвращении не только традиционного взаимного ядерного сдерживания, но и конвенционального (с помощью обычных вооружений), в котором будет расти значимость высокоточного оружия. Интерес к феномену сдерживания, даже ядерного, с глобального переходит уже и на региональный уровень. Например, противостояние с Россией стимулировало в Украине активную дискуссию по поводу возврата к обладанию ядерным оружием. В результате в сентябре 2014 г. бывший украинский министр обороны Валерий Гелетей даже заявил, что Украина может вернуться к вопросу о восстановлении ее ядерного статуса, если Запад не поможет в противостоянии с Россией⁴⁶.

46 Впоследствии представитель СНБО Украины признал, что его страна не в состоянии на данный момент возобновить производство ядерного оружия, а еще ранее заместитель госсекретаря США по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности

В свою очередь, в России вновь возобладал интерес к так называемому обычному (неядерному) сдерживанию, проявившийся в появлении новой редакции Военной доктрины РФ, принятой под влиянием украинского кризиса 26 декабря 2014 г.⁴⁷ В ней впервые упоминается о возможности реализации РФ, наряду с ядерным, также конвенционального сдерживания (неядерного сдерживания с помощью обычных вооружений). Новой доктриной также более четко предусматривается использование высокоточного обычного оружия для обеспечения стратегического сдерживания⁴⁸.

Меняется сама терминология военно-стратегического дискурса. По мере ренессанса НАТО и противостояния с Россией, не только в Москве и Вашингтоне, но и в Брюсселе все активнее используются термины и концепции, заставляющие вспомнить о Холодной войне. Высказываются идеи возврата Альянса к новой политике «гибкого сдерживания» (как реакции на российскую «гибридную

Роуз Готмюллер заявила, что если Украина пойдет по этому пути, то «потеряет статус надежного партнера», не получит большей степени безопасности, и наконец, в случае продолжения этого пути, ее «ждет статус страны-изгоя – как Северная Корея или Иран». См. подробнее: «Киев признал неспособность создать ядерное оружие», *Взгляд*, 09.04.2015; Сидоренко, Сергей, «Заместитель госсекретаря США: «Что, если бы ядерное оружие оказалось в Донецке или Луганске?»», *Европейская правда*, 09.12.2014 (<http://www.eurointegration.com.ua/rus/interview/2014/12/9/7028568/>)

47 <http://kremlin.ru/events/president/news/47334>

48 О некоторых концептуальных российских подходах к развитию неядерного сдерживания см. подробнее: *Кокошин А.А.*, О системе неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России. М.: МГУ, 2012.

войну» на постсоветском пространстве) или проводятся аналогии с концепцией «передового базирования», которыми сопровождаются учения США и их союзников на территории новых восточноевропейских членов альянса. В этом плане саммит НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. был важным шагом к началу переоценки различных аспектов политики и потенциала как ядерного сдерживания, так и конвенционального сдерживания его отдельными членами, к примеру – странами Балтии⁴⁹. Хотя надо отметить, что в восприятии многих функционеров, действующих в какой-либо практической плоскости, ядерное оружие в стратегии НАТО – по-прежнему чуть ли не анафема⁵⁰.

В ходе Уэльского саммита был принят План действий готовности НАТО (*Readiness Action Plan*), важной частью которого стало создание Объединенных сил высокой готовности (*Very High Readiness Joint Task Force - VJTF*). VJTF станут составной частью уже имеющихся Сил реагирования НАТО (*NATO Response Force - NRF*); в них будет служить 4-6 тыс. военнослужащих из стран Альянса, и при необходимости они смогут дислоцироваться на передней линии в течение нескольких дней⁵¹. Создание VJTF, в сочетании с демонстратив-

49 См. подробнее: Rogers, James, Romanovs, Ugis, “Baltic Military Preparations after Ukraine: A Sufficiently ‘Prickly’ Deterrent?”, *RUSI Newsbrief*, Vol.35, No2, March, 2015.

50 Larsen Jeffrey A., “The Wales Summit and NATO’s Deterrence Capabilities: An Assessment”, *NATO Defense College Research Report*, November, 2014, p.5.

51 См. подробнее: Abts, Jan, “NATO’s Very High Readiness Joint Task Force: Can the VJTF Give New Elan to the NATO Response Force?”, *NATO Defense College Research Paper*, No109, February, 2015.

ными маршем американских военнослужащих из состава 2-й бригады «Страйкер» в Чехии, а также учениями и участием в тренировках десантников 173-й воздушно-десантной бригады в ряде стран ЦВЕ (включая Украину), вполне укладывается в такой ключевой элемент стратегии сдерживания периода Холодной войны, как система «растяжек» (*trip-wires*)⁵².

Таким образом, как точно подметили американские эксперты, «язык военного сдерживания, политико-дипломатического сдерживания и экономической изоляции вернулся из заслуженного отдыха на пенсии»⁵³. Как и в период Холодной войны более четверти века назад, экономические санкции и изоляция России выглядят почти столь же естественно и привычно, как военное или политико-дипломатическое сдерживание Советского Союза. Хотя надо отметить, что вопрос эффективности экономических санкций для изменения политики Москвы остается открытым, однако данная тема выходит за пределы нашего исследования и требует глубоко академического анализа. Как указывает Марк Крамер в своем материале о неоднозначном влиянии экономических санкций на стабильность политических режимов, в том числе и на примере бывшего СССР, «некоторые дебаты не умирают, они просто повторяются»⁵⁴.

52 Подробнее о концептуальных особенностях системы «растяжек» и практике ее использования в годы Холодной войны см.: Schelling, Thomas, *Arms and Influence*, New Haven and London, Yale University Press, 1966 (2008 Edition with a New Preface and Afterword), p.92-125.

53 Charap, Samuel, Shapiro, Jeremy, “Consequences of a New Cold War”, p.41.

54 Kramer, Mark, “Exclusive: Sanctions and Regime Survival”, <http://www.ponarseurasia.com/article/sanctions-and-regime-survival>, 11.03.2015.

Фактически, принятые западными странами экономические и иного рода санкции против России являются не эффективным механизмом сдерживания дальнейшего российского вовлечения в украинский кризис, а лишь наказанием Москвы за уже совершенные шаги.

Как отмечает украинский эксперт по вопросам сдерживания, в данном случае «разница заключается в том, что если сдерживание призвано предотвращать определенное поведение, то наказание, имеющее лишь ситуативный, секторальный характер, может оказать противоположное воздействие на «агрессора». Принципиальный вопрос заключается в том, способен ли Запад продемонстрировать России эффективную тактику не наказания, но сдерживания, т.е. попытаться воздействовать на Москву угрозой, исполнение которой было бы для России более приемлемым, нежели дрейф Украины на Запад?»⁵⁵. Впрочем, очевидно, что в условиях украинского кризиса у Запада весной-летом 2014 г. не было альтернативы введению хотя бы экономических санкций против России.

55 Синовец П.А., «Роль России в украинском кризисе 2014 года: анализ и перспективы сдерживания», с.68.

УРОКИ И ИТОГИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Украинский кризис вызвал сильнейшую реакцию на всем постсоветском пространстве. Событие столь глобального масштаба не могло не породить и жаркие дискуссии относительно роли, позиций и намерений России и Запада в украинском конфликте. Пространство бывшего СССР стало одним из основных полей информационного и пропагандистского противоборства между ними, создавая множество преувеличенных фобий и стереотипов в медийном и политическом поле всех без исключения постсоветских стран, однако более всего – в формате государств «Восточного партнерства» ЕС. Однако по мере развития украинского кризиса становится все более очевидным, что наилучшей иллюстрацией возможностей и перспектив политики России в отношении других стран постсоветского пространства является знаменитое выражение, приписываемое то Талейрану, то Уинстону Черчиллю: «Россия никогда не была так сильна, как хотела бы быть, но и никогда не была так слаба, как некоторые думали».

С военно-стратегической точки зрения, после территории самой Украины и прилегающих районов ЦВЕ и стран Балтии (с существенным изменением позиций ЕС и НАТО в этих регионах), наибольшее влияние украинский кризис оказал на бассейн Черного моря. Изменилась вся архитектура региональной безопасности, военный и военно-морской баланс на Черном море и в прилегающих регионах. Стремительная

милитаризация Крымского полуострова после его присоединения к России существенно изменила всю региональную военно-политическую ситуацию⁵⁶. По словам российского министра обороны Шойгу, уже к весне 2015 г. Россия завершила развертывание в Крыму «самодостаточной межвидовой группировки войск», способной действовать не только в акватории Черного моря, но и «в дальней морской зоне»⁵⁷.

Объявленные российской стороной планы в ближайшие годы существенно обновить и увеличить корабельный состав Черноморского флота (в настоящее время в качественно-количественном отношении ЧФ России на порядок уступает военно-морским силам Турции) окажут влияние на ее военно-морскую составляющую. Наконец, потенциальная нуклеаризация – возможность размещения на территории Крымского полуострова российского ядерного оружия и/или средств его доставки, например, бомбардировщиков Ту-22М3 или оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер-М» – может сказаться на параметрах военно-стратегической безопасности в масштабах всего европейского континента⁵⁸.

56 См. подробнее: Boltenkov, Dmitry, Shepovalenko, Maksim, “Russian Defense Arrangements in Crimea”, *Moscow Defense Brief*, #2(46), 2014, <http://mdb.cast.ru/mdb/5-2014/item4/article1/>

57 «Шойгу заявил, что в Крыму развернута полноценная войсковая группировка», *Газета.Ру*, http://www.gazeta.ru/social/news/2015/03/30/n_7063585.shtml, 30.03.2015.

58 В декабре 2014 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил, что после того, как Крым стал частью государства, которое в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) обладает таким оружием, он может рассматриваться как место

Ожидаемое увеличение российского военного и военно-морского присутствия в акватории Черного моря существенно скажется также на геополитических и военно-стратегических позициях Турции – важнейшего члена НАТО в этом регионе. Это также может повлиять и на дальнейшую судьбу Конвенции Монтре 1936 г. о статусе черноморских проливов, ограничивающей временные и количественные параметры прохода через проливы и присутствие военных кораблей нечерноморских стран в бассейне Черного моря. Так как положения Конвенции Монтре не позволяют странам НАТО развернуть на постоянной основе полноценную военно-морскую группировку в акватории Черного моря, то в контексте украинского кризиса НАТО будет пытаться увеличить авиационную составляющую временной дислокации войск стран-членов Альянса на территории причерноморских Румынии и Болгарии. Будет продолжаться постепенная и дозированная дислокация в Румынии и Болгарии сухопутных и мобильных подразделений их союзников по Альянсу, а также на эти черноморские страны могут быть распространены элементы создаваемой системы ПРО НАТО⁵⁹.

Очевидно, что военные и военно-технические уроки и итоги украинского кризиса будут серьезно изучаться при анализе дальнейших процессов вокруг других конфликтных регионов постсоветского пространства. Как представля-

размещения российского ядерного оружия, т.к. как Крым никогда не являлся «безъядерной зоной» в международно-правовом смысле. См. подробнее: «Лавров: В Крыму могут разместить ядерное оружие», *Взгляд*, 15.12.2014, <http://www.vz.ru/news/2014/12/15/720479.html>

59 Simon, Luis, “Assessing NATO’s Eastern European “Flank””, p.74-76.

ется, в первую очередь их будут применять к карабахскому конфликту, из всех аналогичных примеров на постсоветском пространстве на данный момент имеющему максимальный потенциал для «разморозки» и возобновления широкомаштабных боевых действий.

К примеру, украинский кризис вновь подтвердил тенденцию того, что ввиду относительной слабости и невысокой эффективности имеющейся у сторон боевой авиации, и одновременно наличия у них существенного количества качественных средств ПВО, на нынешнем этапе авиация (в том числе и армейская) не может сыграть существенной роли в возможных боевых действиях. Более того, основываясь и на опыте других региональных конфликтов прошедших десятилетий (без прямого и открытого участия внешних или нерегionalных акторов), в первую очередь – мировых сверхдержав, можно утверждать, что за исключением ВВС Израиля (а также, возможно, ВВС Индии в ходе индо-пакистанских вооруженных конфликтов 1960-70-х гг.) ни одна из локальных сторон в региональных конфликтах не смогла эффективно использовать потенциал своей авиации. Возможно, наиболее наглядным примером стало использование боевой авиации в ходе Ирано-иракской войны 1980-88 гг., когда несмотря на достаточно крупные в численном отношении ВВС, их применение не оказало решающего влияния на боевые действия, фактически приобретшие характер «траншейной войны».

Сложности в подготовке летного и обслуживающего персонала, недостаточные количественные и качественные характеристики и, в особенности, проблемы оперативной

совместимости и координации с доминирующими сухопутными войсками вкупе с неудовлетворительным уровнем системы командования и контроля еще с периода Холодной войны не позволяют рассматривать авиацию стран «второго» или «третьего» ранга как основное средство достижения решительной победы на поле боя в современных региональных конфликтах (будь то конфликты между государствами или с участием де-факто государственных образований)⁶⁰.

Украинский кризис подтвердил тенденцию увеличения значимости в боевых действиях применения БПЛА различных типов и предназначений. Тем не менее, беспилотники все еще остаются средством поддержки, обеспечения, разведки и целеуказания, а не самостоятельным в оперативном смысле типом военной техники. Применительно к карабахскому конфликту, равно как и абхазскому и юго-осетинскому, технические характеристики имеющихся у конфликтующих сторон БПЛА вряд ли позволяют в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе говорить об их становлении в качестве самостоятельного атакующего элемента. Но частота и масштабы их применения будет неуклонно возрастать, а способы борьбы с ними, особенно с тактическими малоразмерными БПЛА и мини-БПЛА – все более усложняться⁶¹.

60 См. подробнее: Cohen, Eliot, *“Distant Battles: Modern War in the Third World”*, *International Security*, Spring, 1986, Vol. 10, № 4.

61 Лопаткин Д.В., Савченко А.Ю., Солоха Н.Г., «К вопросу о борьбе с тактическими беспилотными летательными аппаратами», *Военная мысль*, №2, 2014, с.42-47.

Хотя тяжелые дальнобойные РСЗО «Смерч» и «Ураган» активно и эффективно использовались всеми сторонами украинского конфликта, тем не менее, они так и не стали «чудо-оружием» (*Wunderwaffe*), способным предопределить итоги боевых действий. По крайней мере – для украинской стороны, которая, как уже отмечалось, наряду с тяжелыми РСЗО активно использовала также ТРК «Точка-У». В контексте карабахского конфликта данное обстоятельство примечательно тем, что в боях на Донбассе активно использовались практически все те виды ВВТ, наличие большого количества которых на вооружении Азербайджана нередко упоминается его военно-политическим руководством как гарантирующее бесспорное превосходство азербайджанской армии в случае возобновления широкомасштабных боевых действий. При этом в украинском конфликте также использовалось большее количество ствольной артиллерии и минометов, чем имеется суммарно у всех сторон карабахского конфликта на нынешнем этапе.

Это показывает, что при всей своей важности в современных локальных конфликтах, огневая мощь пока еще не может стать альтернативой контактному боевому столкновению, мобильности и оперативной совместимости, качеству управления и связи, а также морально-психологическому состоянию войск. Тем не менее, в современных боевых действиях уже очевидна тенденция перехода к т.н. «бесконтактным войнам» с глубоким огневым поражением, и украинский конфликт это наглядно демонстрирует. Увеличилась доля артиллерийских подразделений по отношению к боевым (мо-

гострелковым/танковым) подразделениям в организационно-штатной структуре общевойсковых соединений (бригад и дивизий) армий постсоветских стран, почти сравнявшись с ними⁶². Хотя эта тенденция скорее свойственна противостоянию глобальных военных держав, однако постепенно она будет смещаться и на уровень локальных и региональных конфликтов⁶³.

Как уже было отмечено, модное сейчас понятие «гибридной войны» – отражение не столько новых геополитических реалий, сколько нового этапа развития военной науки. Присущее «гибридным войнам» сочетание политических, экономических, информационно-пропагандистских (формально невоенных) мер с дозированными и/или скрытными действиями военного характера свойственно практически всем вооруженным конфликтам⁶⁴. Принципиальной же особенностью «гибридных войн»

62 Например, мотострелковые бригады сухопутных войск российской армии включают 4 боевых батальона (3 мотострелковых и 1 танковый) и 4 артиллерийских дивизиона (2 самоходно-артиллерийских САУ 2С3 или 2С19, один реактивный РСЗО БМ-21 или «Торнадо-Г» и один противотанковый ПТО МТ-12 «Рапира» и ПТРК «Штурм-С» или «Конкурс»).

63 См. подробнее: Литвиненко В.И., Русанов И.П., «Основные тенденции огневого поражения в современных операциях (боевых действиях)», *Военная мысль*, №10, 2014.

64 В одном из своих выступлений в марте 2015 г. генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что «первым примером гибридных способов боевых действий может быть «Троянский конь», так что мы это уже видели раньше». Цит. по: Jacobs, Andreas, Lasconjarias, Guillaume, “NATO’s Hybrid Flanks: Handling Unconventional Warfare in the South and the East”, *NATO Defense College Research Paper*, No112, April, 2015.

является совмещение регулярных и иррегулярных способов боевых действий на одном и том же театре военных действий, зачастую используемых одними и теми же войсками.

Исходя из этого, несмотря на раздающиеся время от времени заявления о применимости этого термина к нынешней военно-политической ситуации на армяно-азербайджанской границе и вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе, с концептуальной точки зрения на настоящий момент это не вполне корректно. Параметры нынешней военно-политической ситуации вокруг Нагорного Карабаха не позволяют причислить ее к классической «гибридной войне» (хотя по некоторым признакам к ней можно отнести боевые действия в 1990-1994 гг.). Скорее, в настоящее время военно-политическая ситуация вокруг Нагорного Карабаха может характеризоваться как «конфликт низкой интенсивности»⁶⁵, что проявляется в постоянных, хотя и от-

65 Термин «конфликт низкой интенсивности» (Low Intensity Conflict – LIC) в военно-стратегическом лексиконе используется для определения вооруженного конфликта с низким уровнем силового взаимодействия сторон, относительно малыми потерями и незначительным участием крупных боевых подразделений. Примерами боевых действий в ходе конфликтов низкой интенсивности являются снайперские обстрелы, рейды разведывательно-диверсионных групп и небольших мобильных подразделений специального назначения с использованием преимущественно легкого и стрелкового оружия (а также возможно минометов и переносных зенитных и противотанковых ракетных систем). Однако стороны воздерживаются от активных операций крупных частей и соединений регулярных войск, а также использования крупнокалиберной ствольной артиллерии, РСЗО и боевой авиации.

носителем локальных боевых столкновений вдоль линии фронта, но приводящих к чувствительным жертвам со всех сторон.

С другой стороны, если на данный момент применение термина «гибридная война» к карабахскому конфликту не вполне корректно, это не значит, что она невозможна в принципе или в перспективе. Или, как минимум, невозможно использование некоторых элементов военного противоборства, присущих «гибридности». Одним из наиболее символических примеров «гибридной войны» в Украине стало использование российских регулярных войск без опознавательных знаков и символов национальной принадлежности, или же в форме и с символикой ДНР/ЛНР. Аналогичным образом, имеются сведения о том, что в Нахичеване (азербайджанонаселенном анклаве, отделенном от Азербайджана территориями Армении и Нагорного Карабаха), еще с 1990-х гг. дислоцируется небольшое подразделение регулярной турецкой армии (от роты до батальона), осуществляющее учебно-тренировочные и разведывательные функции. Предполагается, что как минимум одна бригада турецких «коммандос» в составе этого подразделения готовится вести боевые действия, будучи одета в азербайджанскую форму с соответствующими опознавательными знаками. С учетом того, что и в 1992-1994 гг. была информация об участии граждан Турции в боях в Нагорном Карабахе, тем более не исключается повторение аналогичной ситуации в случае возобновления широкомасштабных боевых действий. Командование Армии обороны НКР уже заявляло об участии в последнее

время турецких спецназовцев в боевых инцидентах вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе⁶⁶.

Применительно к военно-политической ситуации в других конфликтных регионах Южного Кавказа следует отметить, что военно-политическое руководство Грузии, исходя как из опыта августовской войны 2008 г., так и украинского кризиса, пришло к выводам о необходимости снижения доли «тяжелых» танковых и мотопехотных подразделений, а также боевой авиации в составе своих вооруженных сил. Взамен этого была увеличена численность легкой пехоты, сил специального назначения, а также вертолетных подразделений (для осуществления десантно-штурмовых операций). В рамках подготовки вооруженных сил к ведению гибридных и иррегулярных боевых действий планируется также серьезная реформа системы территориальной обороны страны. Она предусматривает разделение всей территории Грузии на отдельные Зоны обороны, в каждой из которых планируется в случае боевых действий дислокация одной Пехотной боевой группы (*Infantry Battle Groups – IBG*) регулярных войск и 3-4 полков Территориальной армии из состава резервистов⁶⁷.

Однако не вполне ясно, усилит ли увлечение модной в настоящее время концепцией иррегулярных «гибридных

66 *Министр обороны НКР: с азербайджанской стороны в нападениях участвуют турецкие военнослужащие*, <http://hetq.am/rus/news/59451/ministr-oboroniy-nkr-s-azerbaiydzhanskoiy-storoniy-v-napadeniyakh-uchastvuyut-tureckie-voennosluzhashchie.html>, 06.04.2015.

67 *Project 1704: A U.S. Army War College Analysis of Russian Strategy in Eastern Europe, an Appropriate U.S. Response, and the Implications for U.S. Landpower*, p.48-49.

войн» обороноспособность Грузии, если вдруг новый гипотетический конфликт с Россией вновь примет форму не «гибридных», а обычных боевых действий. Не надо забывать, что последние боевые действия на территории Грузии – «Пятидневная война» 2008 г. с Россией – по существу были не дозированным использованием иррегулярных гибридных способов ведения войны, а «классическим» вторжением регулярных войск соседнего государства, оснащенных большим количеством бронетехники и артиллерии при активной поддержке боевой авиации и военно-морских сил.

Одним из специфических военно-политических итогов украинского кризиса может стать уход Украины с рынка вооружений постсоветского пространства. Весь постсоветский период Украина была одним из основных поставщиков оружия странам Южного Кавказа (особенно Азербайджану и Грузии). Киев поставил Баку и Тбилиси сотни танков, БМП, БТР, артиллерийских систем (включая крупнокалиберные РСЗО «Смерч» и тактические ракетные комплексы «Точка-У»), средства ПВО, десятки боевых самолетов (в том числе истребители МиГ-29 и штурмовики Су-25) и ударных вертолетов Ми-24, большие объемы стрелкового вооружения и боеприпасов. Фактически Украина четверть века занималась распродажей оружия, которое должно было пригодиться ей в боевых действиях у себя же на юго-востоке, причем с таким размахом, что экспорт вооружения превратился в существенную отрасль ее экономики и внутренней политики⁶⁸. В результате, когда летом 2014 г. появилась

68 См. подробнее: Бадрак Валентин, Згурец, Сергей, Максимов, Сергей, *Культ: оружейный бизнес по-украински*, Киев, 2004.

информация о возможной продаже Грузией шести штурмовиков Су-25 из состава своих ВВС, вполне могло возникнуть предположение, что их закупила Украина⁶⁹.

Впрочем, на постсоветском рынке вооружений в последние годы и так уже происходит серьезное перераспределение экспортеров. Например, в оружейном импорте Азербайджана Украину все более уверенно заменяет Россия. По расчетам СИПРИ в 2007–2011 гг. Россия занимала 55%, Украина – 34%, а Беларусь – 5% в структуре военно-технического импорта Азербайджана⁷⁰. Однако уже к 2014 г. доля России в оружейном импорте Азербайджана составила почти 85%⁷¹. По результатам украинского кризиса доля России в ВТС с Арменией и Азербайджаном только увеличилась.

69 Шесть указанных штурмовиков Су-25, в отличие от такого же количества грузинских самолетов, не прошли модернизацию в предыдущие годы на Тбилисском авиационном заводе при помощи израильских специалистов, хотя их модернизация на грузинском авиационном предприятии не требовала бы особых финансовых средств. Можно предположить, что информация об их возможной продаже Грузией могла бы иметь иную подоплеку, особенно учитывая, что ВВС Украины в ходе летней кампании 2014 г. понесли существенные потери штурмовиков Су-25. См. подробнее: Орагвелидзе, Иракий, *Грузия хочет продать половину своих Су-25*, <http://www.ekhokavkaza.com/content/article/25429760.html>, 20.06.2014.

70 См. Пол Холтом. «Поставки оружия Армении и Азербайджану в 2007–2011». *Ежегодник СИПРИ – 2011, Вооружения, разоружение и международная безопасность*, М.: СИПРИ – ИМЭМО, 2013, с. 317.

71 Siemon T. Wezeman, Pieter D. Wezeman. “Trends in International Arms Transfers, 2013”, *SIPRI Fact Sheet*, March, 2014, p.7; Siemon T. Wezeman, Pieter D. Wezeman. “Trends in International Arms Transfers, 2014”, *SIPRI Fact Sheet*, March, 2015.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По состоянию на июнь 2015 г. украинский кризис находится в самом разгаре. Сохраняется неопределенность его военной составляющей. Не вполне ясно, являются ли нестабильная ситуация и перманентные инциденты на линии соприкосновения сторон в Донбассе предвестниками нового витка напряженности и более масштабных и ожесточенных боевых действий, или же это болезненный путь к установлению долговременного перемирия. Но вместе с этим, в украинском кризисе уже можно подводить некоторые предварительные военно-политические итоги.

Украинский кризис позволил апробировать некоторые новые и оценить релевантность многих давно имеющих методов и форм вооруженной борьбы. В нем сочетались подходы, типичные для конфликтов на постсоветском пространстве более четверти века назад, с принципиально новыми и современными военно-политическими или военно-техническими элементами. В военно-стратегической и военно-технической сферах украинский кризис не означал собой революцию, а скорее демонстрировал эволюцию способов и методов вооруженной борьбы последних десятилетий. Тем самым украинский кризис даже частично ранимизировал некоторые военно-стратегические концепции времен Холодной войны.

Соответственно, с определенной долей обобщения можно даже утверждать, что украинский кризис стал последним «классическим» постсоветским вооруженным конфлик-

том. После Украины любые будущие войны на пространстве бывшего Советского Союза будут уже другими. Вполне возможно, что эти войны будут «гибридными», а может быть – «сложносоставными» (*compound*), а «гибридность» будет всего лишь одним из их составных элементов⁷². Точно так же как комбинация «классических» регулярных способов боевых действий с иррегулярностью и асимметричностью военно-силового противоборства по определению являются составными частями и признаками самих «гибридных войн»⁷³.

Вероятно, будущие войны на постсоветском пространстве будут совмещать на одном и том же ТВД гибридно-иррегулярные способы ведения боевых действий, концепции массированного танкового «блицкрига» с «сетевцентрич-

72 Среди западных экспертов нет единого мнения о термине «сложносоставные войны». Некоторые эксперты, такие, как Франк Хоффман, считают, что «сложносоставные войны» предполагают ведение регулярных и иррегулярных («гибридных» боевых действий), объединенных под единым стратегическим командованием, тогда как «гибридные войны» подразумевают ведение регулярных и иррегулярных боевых действий одними и теми войсками на одном и том же ТВД. Другие же эксперты не находят между этими терминами особой разницы. См.: *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from Ancient World to the Present*, p.3.

73 С нашей точки зрения, в современных условиях, в том числе применительно к постсоветскому пространству, «сложносоставные» войны подразумевают не только наличие некой «гибридной» комбинации регулярных и иррегулярных способов ведения боевых действий. Они также предусматривают совмещение различных «классических» и новаторских способов и концепций ведения боевых действий регулярными и иррегулярными войсками, с использованием хронологически присущих этим подходам как устаревших, так и новейших современных видов ВВТ.

ными» и «бесконтактными» войнами, а также более широким использованием электронно-информационной, пропагандистской и экономической борьбы. В то же время, по своим стратегическим параметрам и оперативно-тактическим приемам будущие постсоветские войны будут происходить в соответствии как с «классической» логикой Холодной войны второй половины XX в., так и с современными подходами начала XXI в.

ОБ АВТОРЕ

Сергей Минасян является заместителем директора и руководителем департамента политических исследований Института Кавказа. Доктор политических наук, автор 10 монографий и научно-аналитических докладов, а также свыше 100 научных и аналитических статей, посвященных различным аспектам региональной политики и безопасности, этнополитическим процессам, военно-политическим проблемам и военной истории Южного Кавказа. С 2011 г. также является региональным представителем Академической швейцарской сети Кавказа (ASCN) в Армении.

ОБ ИНСТИТУТЕ КАВКАЗА

Институт Кавказа является одним из ведущих аналитических и образовательных центров в Армении и в регионе и ведет политологические, социальные и медиа-исследования в применении как к Южному, так и к Северному Кавказу. Сфера научно-исследовательской деятельности Института включает также региональные исследования в более широком контексте, включая также этнополитические конфликты, региональную безопасность, интеграционные процессы.

Институт Кавказа основан в Ереване в 2002 г. и имеет сложившуюся репутацию нейтральной и неполитизированной платформы для анализа и дискуссий по острым вопросам политического и социального развития региона. По результатам научной работы ИК проводит экспертные совещания, круглые столы и конференции, издает различного рода публикации, в том числе Ежегодники.

Кроме чисто теоретической и практической аналитической работы, важной особенностью исследовательской деятельности ИК является тесная связь с информационной сферой для более широкого ознакомления общественности и политических элит стран региона с результатами научно-исследовательской работы Института, а также формирования общественного мнения и профессионального дискурса и выработки рекомендаций принимающими политические решения акторами. С этой целью ИК ведет интенсивную работу со средствами массовой информации, широко популяризируя результаты научных исследований и способствуя широким общественным дебатам в Армении и на всем Кавказе.

Аналитические доклады Института Кавказа
№6, июнь 2015 г.

Сергей Минасян

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА:
«ГИБРИДНЫЕ» УРОКИ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА

Институт Кавказа
Ереван • 2015

Сергей Минасян

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА: «ГИБРИДНЫЕ» УРОКИ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

*Аналитические доклады Института Кавказа
№6, июнь 2015 г.*

Шестой выпуск Аналитических докладов Института Кавказа посвящен проблематике военно-политического измерения украинского кризиса, его возможных уроков и последствий для постсоветского пространства. Рассматривается динамика развития военно-политических процессов, освещаются военно-технические и военно-стратегические особенности украинского кризиса, в том числе – в контексте так называемых «гибридных» войн. Доклад представляет интерес как для политологов, международников, специалистов в сфере безопасности и военной политики, так и для широкого круга читателей.